

К 556/43
К Р О К О Д И Л

№ 28 МОСКВА 1943

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». ГОД ИЗДАНИЯ XXII

ЦЕНА НОМЕРА—40 КОП.

Рис. Курьянникова

— Чорт возьми! Оказывается, я нахожусь в районе Орловско-Курской аномалии.

Рис. Бор. Ефимова

Тигр никогда не осмеливается нападать на массу людей... Сколько он жесток и смел, когда дело идет о том, чтобы красться и напасть на беззащитную добычу, столько же труслив перед опасностью. Он всегда старается уйти от борьбы с человеком и, увидя, что его преследуют, даже трусливо обращается в бегство...
...Тигр обыкновенно умирает даже от легкой раны. Подстреленный тигр почти непременно должен околоть.

(А. Брем «Жизнь животных»)

ОТ СОБСТВЕННОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА

БЕРЛИН, 12 августа. Как сообщает германское информационное бюро, ожидается опубликование приказа Гитлера о том, чтобы всех немецких солдат и офицеров, раненых в июле и августе

на советско-германском фронте, считать обмороженными.

БЕРЛИН, 12 августа. Наднях выйдет в свет новое, дополнительное издание сказок братьев Гримм. В сборнике напечатана специальная сказка для дефективных детей младшего и старшего возрастов под названием «Весёлые рассказы колченогого дяди Геббельса о воинственном Фрице, который никогда не отступает, как только лето наступает».

ЖЕНЕВА, 13 августа. Прибывшие из Германии лица передают, что безуспешная борьба с ульшнем среди немецкого населения вызывает в фашистских руководящих кругах большое уныние.

МЮНХЕН, 13 августа. В спортивных кругах Германии с удовлетворением отмечается следующий факт: двухлетняя тренировка приучила немецких солдат к русскому климату настолько, что они теперь бегают летом не хуже, чем зимой.

БЕРЛИН, 14 августа. Германское командование сообщает с русского фронта о пригорбной утрате: очередная партия «Фердинандов» исторела на работе.

Некролог

ПРЕСТУПНЫЙ мир понёс невознаградимую утрату. Мировую шпану постигло тяжкое горе. От нас ушёл величайший жулик двадцатого века, негодяй, душегуб и предатель, основоположник итальянского фашизма, верный ученик и последователь Иуды Искаротского, друг и соратник Адольфа Гитлера, мастер провокации и прогрессивный паразит Бенито Муссолини.

За 21 год своего владычества в Италии Бенья покрыл себя неуязвимой славой. Векомовековая история мировых неудачников бледнеет перед камуфлетами и кражами, постигшими Бенью на сравнительно небольшом отрезке времени. Задумав возродить великую Римскую империю, Бенья стал энергично прививать себе манеры древнего римлянина: подымал для приветствия руку, брился мечом, время от времени произносил речи с балкона венецианского дворца в Риме.

Однако, не обладая особым политическим тактом и твёрдыми познаниями в географии и истории, пылкий Бенито впал в роковую ошибку. Черты древнего римлянина, привить-то он себе привил, но впопыхах эти черты оказались чертами римлянина времени упадка. С этой роковой минуты всё и покатилося.

Пользуясь общим замешательством, Бенья, нахватал себе колоний: Абиссинию, Триполитанию, Ливию, Албанию. Он уже подумывал о Египте, Тунисе и Алжире. Но тут вступили в свои права черты упадка. В Абиссинии Бенья жестоко засыпался и его крепко поколотили. Поколотили Бенью также и в Египте, Ливии, Триполитании, Тунисе, Алжире. И очень креп-

ко попало ему в России, куда его берсальеры по милости Адольфа Гитлера попали и пропали...

Покойник обладал нежным, лирическим характером; во время своего пребывания у власти он нахал у итальянского народа не одну десятку миллионов лир, что и дало повод благодарным итальянцам сложить в честь дуче престестную канцонетту, которая начиналась так:

«Мы стараньями Бенитки
Все обраблены дс нитки».

Для поправления пошатнувшихся делишек Бенья поетунил в услужение к Адольфу Гитлеру. Но служба у Адьки не дала Бене никакого удовлетворения. Работать приходилось на своих харчах, и задастую бедный Бенчик принуждён был подставлять свою морду под удары, предназначенные его хозяину. Так например под Сталинградом Бенья потерял все легионы своих древнеримских макаронщиков; после чего, обращаясь к Адьке и не будучи слишком силен в истории, воскликнул:

— Вар, Вар, отдай мне мои легионы!
На что нервный Адя отвечал:

— Плевал я на твои легионы. У меня и своих лупят и в хвост и в гриву...

Кончилось всё это тем, что Бенья вынужден был уйти в мир иной. Как говорится, собаке — собачья смерть.

ДРУЗЬЯ МОУ НЕСЧАСТЬЮ

Перевёл с итальянского,
ВАЛЕНТИН КАТАФЬ.

Комар

(СКАЗКА)

БЫЛ у немцев непобедимый генерал фон Пфуль — отчаянной храбрости мужчина и очень спесивый.

Сам толстый, словно боров, голова лысая, как блюдце, зубы сплошь золотые.

— Я, — говорит, — десять стран покорил, сто городов пожёг, тысячу деревень с землёй сравнял. Сильней меня нету генерала на свете!

Он на отдыхе находился, этот фон Пфуль. Сидел во Франции, жрал сардинки, шампанским запивал.

Вот однажды вызывает его к себе Гитлер, говорит:

— Дела мои на Востоке швах, ниже среднего. Попрошу вас поехать в Россию, посоветить мне воевать, поскольку вы десять стран покорили, сто городов пожгли, тысячу деревень с землёй сравняли и сильней вас нету генерала на свете.

— Пожалуйста, — отвечает фон Пфуль, — могу поехать. Правда, я свои мимомуары только до пятой покорённой страны довёл и до девяноста третьего сожжённого города, но это ничего. Покорю русских, и тогда всё сразу уже и додиктую!

Приехал он к нам в Россию и попал акурат в леса. А тут комарья тучи. Зайдёшь в чащу — всё кругом так и звенит! Только успевай руками махать!

Созвал фон Пфуль генералитет, объявил:

— Я десять стран покорил, сто городов пожёг, тысячу деревень с землёй сравнял. Сильней меня нету генерала на свете! Вот как перед богом клянусь, что я в три дня русских одолею! А теперь оставьте меня одного: я посижу над картой, подумаю и преподнесу вам свой научный план, как, чем и во что русских надо бить, чтобы их окончательно одолеть.

Генералитет удивился и ушёл. А один пожилой фитьмаршал, седой весь, как старая крыса, даже сказал:

— Довольно странные речи! Мы здесь два года сидим и ничего сделать не можем, а вы — в три дня? Посмотрим!

Развернул фон Пфуль свою карту, стал думать. Вот уже придумал, а тут комар спикировал ему на лоб да как ожгёт. Фон Пфуль хлоп себя по лбу — весь план и забыл!

Стал сначала думать. Только он вспомнил свой план, а комар фон Пфуля в ухо ужалил. Генерал хват себя за ухо, а другой комар его — в ноздрю. Генерал хват — за ноздрю, а комар — опять в ухо!..

Всё начисто опять забыл непобедимый генерал фон Пфуль. Сидит, головой мотает, как конь злится. А комары своё звенят:

— Ты з...з...злой, а я ещё з...з...злей!.. з...з...злой, а я ещё з...з...злей!..

Позвал фон Пфуль адъютанта, спрашивает:

— Что это такое на меня пикирует?

— Это такая русская насекомая, ваше превосходительство. Называется комар.

— Станьте рядом и отгоняйте эту дрянь от меня!

Сел генерал фон Пфуль опять за стол. Адъютант рядом стоит, машет над генеральской головой сосновой веткой. Ничего не помогает!

Фон Пфуль кричит:

— Позвать сюда двух автоматчиков! Пускай они меня охраняют и беспощадно уничтожают эту ужасную русскую насекомую!

Пришли автоматчики. Упёрли автоматы в пуза, постреляли для порядка вокруг генеральской налатки, поугадили комаров. Да разве их этим испугаешь?!

Фон Пфуль говорит:

— Станьте по обе стороны от меня и наблюдайте. Сядет на меня комар — бейте, не стесняйтесь.

— Из автоматов, ваше превосходительство?!

— Руками, болваны! Я никаких движений сам делать не хочу, поскольку это меня отвлекает от моих важных мыслей!

Встали автоматчики, как приказано, по обе стороны от генерала.

Вот сядет комар фон Пфулю на голову, генерал сквозь зубы золотые командует:

— Югони!

Автоматчики с двух сторон генерала по лысине — бац! Не долёт! Бац! Перелёт!

Одного убьют, а тут десять новых прилетело. Автоматчики опять фон Пфуля по лысине: бац! бац!

У непобедимого генерала фон Пфуля уже лысина посинела, но он ничего, терпит, только кричит. Думает!

Терпел, терпел да вдруг как завопит:

— Вы, черти, нарочно промахиваетесь, попустому месту бьёте! Вон отсюда!

Автоматчиков как ветром сдуло.

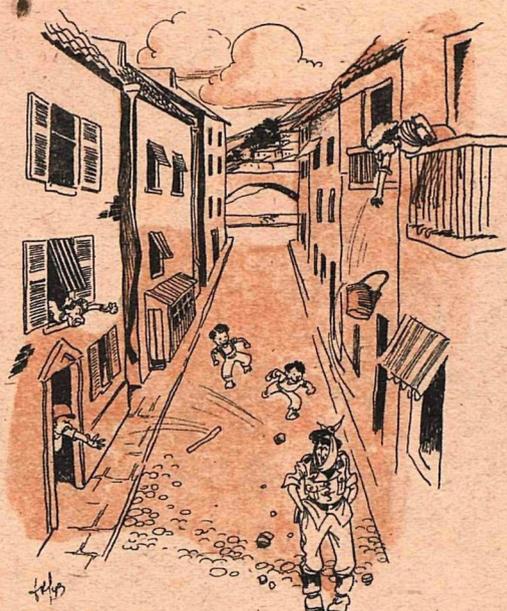
А тут входит к нему в палатку седой фитьмаршал, спрашивает:

— Ну как, готов, извиняюсь, ваш план?

— Не готов! Русская насекомая — комар — мешает думать, не даёт сосредоточиться. Пойду в лесок, погуляю, там всё и придумаю на вольном воздухе.

НЕПРОШЕННЫЙ ГОСТЬ

Рис. Б. Кляча

ФРИЦ: — Я битый час хожу по Милану и не могу найти улицу, где бы я мог ходить не битым!

Только зашел фон Пфуль в лесок — комары его и зажгли со всех концов. Так зажгли, что мочи нет!

Он — бежать! Комары — за ним. Летят и звенят:

— Ты з...з...злой, а мы ещё з...з...злей!

Он в кусты. Тут его наши партизаны-разведчики схватили. Схватили и уволокли в лес.

Партизанский командир — старичок, борода клинушкой — спрашивает:

— Вы кто такой будете?

— Я — непобедимый генерал фон Пфуль. А вы кто такой?

— А я непобедимый партизан Дед Комар.

— Как?!

— Дед Комар.

Генерал фон Пфуль как стоял, так и грохнулся. Подняли его, а он и лыка не вяжет: только икает. Паралик разбил.

Леонид ЛЕНЧ

Рис. Л. Бродаты

Адольф бежал быстрее лани,
Быстрее, чем заяц! От Орла!

Первая ласточка.

Кстати, о взятке

(Рассказ наивного человека)

ФАМИЛИЯ у меня тихая — Зверобоев. А должность, между нами говоря, суматошная — агент по заготовкам. И если вам очень интересно, то к сему могу добавить, что служу я в продмаге № 17, что в Семиколенном (бывший Пятиколенный) переулке.

Вот тут-то у меня и случился инцидент.

Назначили к нам недавно, между нами говоря, нового заведующего — для оздоровления аппарата и повышения товарооборота. На торговой сети, говорят, собаку съел.

Но когда я впервые осмотрел его физиономию, то сразу догадался, что насчёт собаки сильно преувеличено и что наш Поликарп Кузьмич отдаёт должное предпочтение другому, более калорийному питанию. А в общем мужик крепкий, в гимнастёрке и галифе.

Вызывает он меня и, между нами говоря, спрашивает:

— Кондизделия и сухофрукты с какой базы получаем?

Я отвечаю:

— Получали с седьмой, а с завтрашнего дня — будем с девятой.

— Ага. Срочно дайте справку о заведующем девятой базой.

— Его фамилия, — говорю, — Курдюков.

— Фамилия важна для артиста, чтоб на афишках ставить, а в торговом деле значения не имеет. Вы мне узнайте, курит он или нет.

Ничего не понимаю. Предположим, он курит. Допустим, между нами говоря, что не курит. Какое всё это имеет отношение к сухофруктам?

Но раз приказано узнать, — моё дело — выполнять приказ.

Прихожу через час к Поликарпу Кузьмичу и докладываю:

— Курдюков не курит.

Поликарп Кузьмич побледнел и всплеснул руками, словно потерял родного отца:

— Зарезал! Ой, зарезал!

А я, желая утешить его, говорю:

— Это же хорошо, что он не курит. Никотин очень вреден для здоровья. Так утверждает, между нами говоря, медицина.

Но Поликарп Кузьмич впал в сильную меланхолию и никаких научных рассуждений не принимает.

— Ой, — говорит он мне, — кто вас так дурно воспитывал? Вы ни черта не понимаете в торговом деле. А точно знаете, что он не курит?

— Нет, не курит. Но зато коммерческий директор курит.

— Да? Это уже легче. Трубку или папиросы? Немедленно узнайте.

— Немедленно — никак нельзя. Его перебросили на постоянную работу в Саратов. Сегодня утром уехал. Можно будет запросить телеграммой. Ответ, между нами говоря, не раньше, чем через месяц.

Начальник мой почему-то воззрился на меня, как на диковинный пейзаж.

— Ну и ну! — процедил он сквозь зубы — Ну и кадры оставил мне мой предшественник!..

Помолчав немного, Поликарп Кузьмич сказал:

— Слушайте, а этот самый Курдюков хотя бы пьёт? Только вы чувствуете, о чём я вас спрашиваю? Не о молоке, не о ситре и не о валериановых каплях. Поняли? Так вот, скажите: пьёт он или нет?

Ничего не понимаю. Предположим, он пьёт. Допустим, между нами говоря, что не пьёт. Какое всё это имеет отношение к сухофруктам?

Но раз начальство спрашивает, я обязан ответить.

— Хотя, — говорю, — та же самая медицина утверждает, что алкоголь — яд, тем не менее Курдюков производит сильное впечатление пьющего человека.

Поликарп Кузьмич просиял:

— Вот и молодец! Это нам и надо. Сегодня же отнесите ему два литра.

— Отнести можно, — отвечаю, — но как бы он, паче чаяния, не подумал, что это — нечто вроде... взятки.

Поликарп Кузьмич горестно покачал головой:

— Эх, вы! А, ещё называется агент. А такие некультурные слова выбрасываете на прилавок. Взятки!.. Ну, ничего. Я вас на практической работе перевоспитаю. Берите два литра и топайте.

Топая я с двумя литрами по улице, топаю и думаю:

«А что ежели этот Курдюков, между нами говоря, обидится и заедет мне з морду? Будет он прав или не прав?»

За этими весёлыми мыслями я и не заметил, как пришёл на базу. Как раз, кроме Курдюкова, никого не было.

«Это даже очень прекрасно, — думаю, — ежели даст в морду, никто хотя бы не увидит...»

И вот я робко и застенчиво ставлю на стол перед Курдюковым... Ни один мускул не дрогнул на его мужественном лице. Он только проверил, хороши ли пробки. Хозяйственный человек!

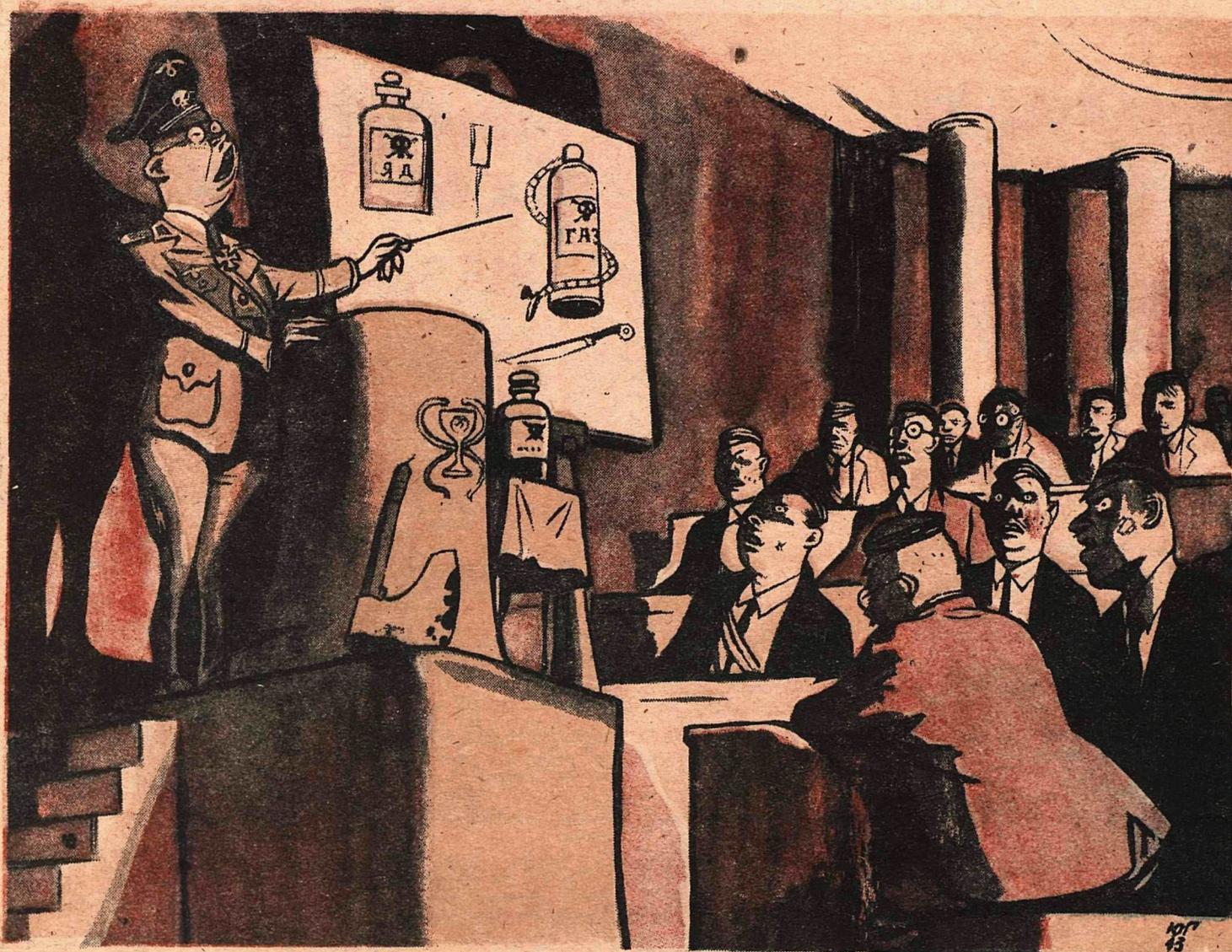
Итак, братцы, не дал он мне по морде. Чего не дал, того не дал. А дал он мне вне очереди наряд на печеньё и сухофрукты.

Возвращался я в продмаг как на крыльях. Правда, по дороге завернул, между нами говоря, в одну организацию, но там я задержался всего минут пятнадцать. В общем Поликарп Кузьмич очень доволен остался мной, что я так быстро выполнил его поручение.

А через несколько дней почему-то вызвали моего нового начальника к прокурору. Прокурор был человек приветливый, очень ласково встретил Поликарпа Кузьмича и прямо-таки не знал, куда его посадить. В конце концов всё же посадил...

Потом я узнал, что и Курдюков, несмотря на большой запас горючего, сделал вынужденную посадку и не вернулся на свою базу.

Вот и всё. К чему я это вам рассказал? Так. Может, пригодится.

ГИММЛЕР: — Нужно помнить, уважаемые коллеги, что вы не простые палачи, а врачи, к услугам которых всегда имеются лучшие газы и яды.

О ПЛАТОЧКАХ

О наших подругах, о девушках наших,
Написано множество разных стихов,
И всюду подруги платочками машут,
На фронт провожая своих женихов.

Навязли в ушах трафаретные строчки,
Их бойко кропает халтурщик любовью!
В стихах и в романах мелькают

платочки —
И белый, и синенький, и голубой.

Коль верить таким скорострельным поэтам,
Так девушки наши во время войны
Совсем поглупели: зимою и летом
Их мысли лишь мутью любовной полны.

Как будто и дела у них нет другого,
Как только томиться, грустить и вздыхать.
Письмо написать, пообедать и снова
Бойцов провожать и платочком махать.

За наших подруг нам пора заступиться,
Пора нам к порядку призвать пошляков,
Довольно выдумывать им небыллицы,
Довольно слезливых, сопливых платков!

В колхозах, на фабриках и на заводах,
Единым стремленьем к победе полны,
Порой забывая про сон и про отдых,
Работают девушки нашей страны.

А сколько подруг отличилось на фронте!
А скольких скосил беспощадный свинец!

Халтурщики! Грязной рукою не троньте
Горячих и смелых девичьих сердец!

В полярных землянках на Северном флоте,
Где кровь застывает от бурь снеговых,
В морской, боевой, закалённой пехоте
Встречал я чудесных подруг боевых.

Я девушку-снайпера видел воочью,
Её не пугали ни тьма, ни пурга,—
Глухою, бездонной полярною ночью
Она находила и била врага.

Я видел израненную санитарку,
Которая многих от смерти спасла.
Дул ветер со снегом, а ей было жарко,
И девушка тихо кого-то звала.

Я многое видел... И было мне горько
За то, что про наших подруг боевых
Холодной рукою написано столько
Стихов трафаретных и писем пустых.

Товарищи! Все, кто душою болеет
За наше искусство, за нашу страну,
Кто словом, идущим от сердца, владеет,
Кто родину любит, кто видел войну,—

Давайте о наших подругах расскажем!
Давайте напишем такие стихи,
Чтоб образ чудеснейшей девушки нашей
Очистить от пошлой, слюнявой трухи!

Вас, ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

СЛОЖНАЯ КОМБИНАЦИЯ

ОН ЗАБЕЖАЛ ко мне потный и озабоченный:

— У тебя, кажется, есть томик стихов Симонова?

— Есть. А что?

— Ты можешь его мне уступить? А я могу предложить тебе, если ты собираешь монеты, греческую драхму. Или, если марки,— то очень редкую— Гваделупу без зубчиков.

— А Симонов тебе зачем?

— Это не мне, а одной женщине.

— А! Понимаю.

— Нет. Ты не понимаешь. Я с ней незнаком. Знаю только, что за Симонова она даёт банку клопомора.

— Клопы заели?

— Не меня, а бухгалтера древтреста.

— Это твой дядя?

— Нет. Но он даёт за клопомор пластинку «Уйди! Я не люблю тебя» для женского голоса...

— ...которую?..

— ...за которую кассирша МХАТ даст мне два билета на «Школу злословия...»

— ...которые?

— ...которые я выменяю у лифтерши гостиницы «Москва» на пачку «Северной пальмиры». А вот это мне и нужно.

О. БРИК

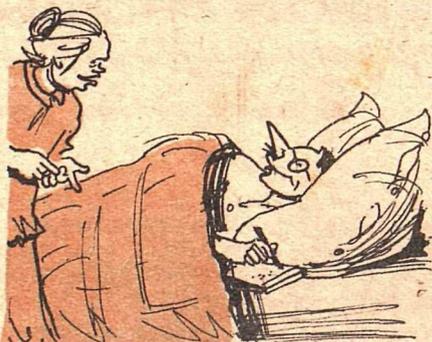

Вечер был, сверкали звёзды...
Дальше вот какой сюжет:
Шёл по улице малютка,
А малютке придцать лет.

Щепчет ласково малютка:
— Мне б сопреться, я озяб.
Кто же сироту накормит
И расскажет, где тут штаб?

Шла дорогой той старушка,
Услыхала сироту.
Приютит — ну и шляпа! —
И сто грамм дала ему.

Уложила спать в постельку,
Но малютка не дремал:
От болливенькой старушки
Проходимец всё узнал.

Щурил глазки, улыбался,
Всё разведаль, что и где,
Сколько дзотов, пулемётов,
Сколько пушек и т. д.

Бог и в поле птичку кормит...
И поклясться я готов:
Он же, кроме той старушки,
Создал уйму болтунов.

ДЕД ЕЛИСЕЙ

Спящая царевна

ПОСЛЕ концерта музыкальные инструменты железнодорожного джаза Дмитрия Покрассы были сложены в тёмной и тесной комнатке за кулисами.

Некоторое время все молчали. Потом скрипка, особа тонкая и нервная, не выдержала.

— Ну, и играли же мы сегодня! — сказала она, обращаясь к саксофону, лежавшему на соседнем стуле. — Я буквально сгорала со стыда...

— И очень жаль, что не сгорела, — сердито проворчал саксофон. — Всё-таки меньше фальши было бы в оркестре...

Скрипка обиделась:

— Что же это я, по-вашему, фальшивила?

— Конечно, вы... Пинцали, как котёнок, которому наступили на хвост...

— Я пинцала?!!

— Ну да! — грубо отрезал саксофон. — Не я же... Я, слава богу, себе цену знаю... Меня кам Леонид Юсифович Утёсов на работу приглашал...

У скрипки от негодования лопнула самая толстая струна:

— Утёсов приглашал... Куда?.. Опять в джаз?.. Джаз — это не место для инструмента, желающего сделать карьеру... Меня вот Николай Осипов в балалаечный оркестр звал... Предлагал переквалифицироваться на балалайку...

Тут в спор вмешался огромный, похожий на шкаф Мосидрева контрабас.

— Не ссорьтесь, товарищи, — добродушно прогудел он, — честное слово, у нас в джазе отличные инструменты... Не хуже, чем у Утёсова и Цфасмана... Да и музыканты неплохие...

— Музыканты неплохие, инструменты отличные, руководитель — популярный композитор, а играем, как в крыловском квартете. В чём же дело?

— Зажирели!

— То есть как, зажирели?

— И физически и психологически... На тучных железнодорожных хлебах... Посмотрите, как держатся музыканты на сцене! Вялые, равнодушные, ленивые, только что в носу не ковыряют... А сам Дмитрий Яковлевич Покрасс?! Где его былой пыл, темперамент, когда «в крови горел огонь желаний»? Да с такой важной физиономией можно стоять в почётном карауле у гроба сгоревшего на работе дорогого начальника, а не на концерте весёлого джаза...

Теперь зашумели все инструменты. Скрипка колотила смычком по стулу и кричала, что ей надоели безголосые певцы, которым место не в джазе, а на именинах у тёти Сони — и то, когда нужно разогнать гостей...

Акордеон сердито щёлкал клавишами, а озорной барабан, хлопая себя по пустому брюху, всё время выкрикивал:

— А репертуар!.. Обратите внимание на музыкальный репертуар. Весь вечер играем одного Покрасса... Неужели больше никаких композиторов нет?!

— Ну, положим, играем не одного Покрасса...

— А кого ещё?

— Двух Покрассов...

— Двух Покрассов или трёх Покрассов, а результат один... Удручающее однообразие...

— Ничего не поделаешь, товарищи! — снова примирительно загудел контрабас. — Полоса отчуждения железной дороги...

— Но ведь эта полоса отчуждения не для одних только Покрассов!.. Есть ещё Дунаевский... Тоже в железнодорожной форме ходит...

Тут опять заорал барабан:

— Да, между прочим, о форме... Что за хламиды на наших музыкантах?.. Если вы выходите на публику в железнодорожной форме, то эта форма должна быть, что называется, с иголочки... А здесь?! Проводники жёстких вагонов скорых поездов одеты опрятней...

Висевшая на гвоздике форменная куртка, принадлежащая певцу Залевскому, решила, что самый раз и ей примкнуть к дискуссии

— По-моему, вы неправы, коллега, — обратилась она к барабану, — я с вами решительно расхожусь...

Барабан гулко захохотал:

— Вы расходитесь не только со мной, а со всем оркестром... Кстати, это манера вашего хозяина Залевского... Он, когда поёт, тоже решительно расходится с оркестром... Оркестр ещё, так сказать, на Ярославском вокзале, а Залевский уже давно проехал Мытищи...

— Значит, вы полагаете, что мой хозяин плохо поёт? — удивилась куртка.

— Поёт?! Вы называете пением это странное бляение, вырывающееся откуда-то из поджелудочной железы?!

— Но, позвольте, Залевский же в джазе со дня его основания...

— Вполне понятно... Наш джаз — спящая царевна... Много лет назад его околдовали похвалами, и он заснул... И всё застыло... И так стынет по сей день... Даже репертуар... Если в первой программе Харитонов и Тиберг пели о том, что «из вагона за номером пять транзитная девушка вышла гулять», то эта девушка гуляет в джазе по сей день, хотя транзитной пассажирке давно пора уже куда-нибудь приехать...

— Позвольте, позвольте! — защищала флейта, деликатная особа симфонического воспитания. — Чтобы разбудить спящую царевну, нужен прекрасный принц?

— Да...

— И он должен приехать из соседнего королевства?

— Зачем так далеко?.. Пусть приедет из НКПС...

— И разбудит спящую царевну поцелует?

— Поцелует или каким другим способом, — ему видней...

Все замолчали, погрузившись в невесёлые размышления, а неугомонный барабан, ещё раз хлопнув себя по гулкому брюху, крикнул:

— Ну что ж, будем терпеливо ждать прекрасного принца, который приедет из НКПС будить спящую царевну — Дмитрия Яковлевича Покрасса.

Евг. БЕРМОНТ

МЕТКИМ УДАРОМ

(По столбам красноармейской печати)

ПО ОПЫТУ

Геринг:— Во время последнего налёта наших самолётов на русские позиции там возникло 65 очагов пожара.

Гитлер:— Откуда такая точность?

Геринг:— По опыту знаю, что наши самолёты, когда их сбивают, хорошо горят.

(«Родина зовёт».)

МАЛЕНЬКАЯ НЕТОЧНОСТЬ

— Вы пишете, Ганс, что советские самолёты были встречены интенсивным огнём. Ведь это не верно: мы не дали ни одного выстрела.

— Но складывалось впечатление, что наши пылали!

(«Вперёд на врага».)

ИЗ РАЗВЕДКИ

— Товарищ капитан, боевую задачу выполнил: привёл «языка».

— Молодец! Но почему он молчит?

— От страха у него язык отнялся.

(«Вперёд на врага».)

ЕДИНИЧНЫЕ ПОТЕРИ

Два инвалида — бывшие солдаты немецкой армии — повстречались на улице. Разговорились:

— Ну, а у вас, Макс, большие были потери в России?

— Чепуха! Единичные! Я потерял одну ногу, ефрейтор Шмидт — одну голову, майор фон Дринке — один полк, а генерал Штифер — одну дивизию.

(«Боевое знамя».)

ЧТО ТАКОЕ ОСТРОВ?

Итальянский школьник:— Островом называется часть суши, окружённая со всех сторон... английскими кораблями.

(«Вперёд за родину».)

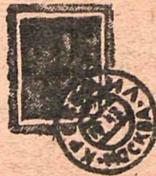
ЗНАКОМЫЙ ПЕЙЗАЖ

Один немецкий офицер, впервые прибывший в Италию, при виде развалин итальянских городов, разрушенных воздушными бомбардировками, сказал:

— А говорят, что в Италии совсем другая природа. Да ведь это же настоящий немецкий пейзаж!

(«Вперёд за родину».)

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Военное дело мы знаем неплохо. И военную технику изучили. Но вот одно острое средство никак одолеть не можем. Сколько ни стараемся, сколько ни бьёмся, ничего не получается. Сплошной брак! Из пятидесяти возможных удовлетворительный результат получается только в пяти-семи случаях.

Что делать? Измученные, садимся в кружок, вынимаем папиросы, спички и — чиркаем, чиркаем, чиркаем... Из пятидесяти спичек едва зажимаются пять-семь. Острое средство никак не поддаётся усвоению.

Берём спичечную коробку, вертим её, чтобы установить виновника наших мучений. Но, увы, на коробке нет этикеток: фабрика благоразумно предпочла запрячь концы в воду.

И сидим мы с незажжёнными папиросами в руках и грустно-грустно поём: «Отзовись, товарищ директор неизвестной спичечной фабрики! Давай закурим, товарищ дорогой! Давай закурим, товарищ мой!»

Капитаны Н. МИЛИНИН, Н. ОСТРИКОВ
Полевая почта 32603

Дорогой Крокодил!

В детстве меня занимал философский вопрос из истории мироздания: «Что раньше появилось: яйцо или курица?»

А с тех пор, как я живу в городе Фрунзе, меня волнует другой, не менее важный вопрос: «Что раньше исчезло с наших улиц: электрический свет или милиция?»

Одни утверждают, что первым исчез свет. К чему, собственно, в городе Фрунзе ночью свет, раз ночью по городу жители не ходят? А не ходят они потому, что боятся хулиганов. А хулиганов они боятся, так как милиции не до хулиганов. А милиции не до хулиганов потому, что «много ли в темноте увидишь?»

Другие же утверждают, что первыми исчезли с ночных улиц милиционеры. А исчезли милиционеры потому, что кого, собственно, им защищать, раз население не ходит ночью по городу? А по городу ночью никто не ходит потому, что на улицах безобразят хулиганы. А хулиганы безобразят потому, что улицы ночью не освещаются, а улицы ночью не освещаются потому, что...

Вот, походи, и разберись, что раньше исчезло!

Ц. МИЦКУН

Город Фрунзе, Киргизия.

Дорогой Крокодил!

Директор Бутурлинского райкомбината (Воронежская область) Севастьянов, вероятно, чем-то болен. Иначе чем объяснить довольно частые визиты в местную аптеку?

Оттуда Севастьянов всегда выходит с какой-то микстурой, которая является, по уверениям заведующего местной аптекой Попреплетчикова, обыкновенным спиртом. Эту «микстуру» Севастьянов сам себе прописал, так как организм его, очевидно, требует сильнейших действующих средств. Тем более что он, Севастьянов, обещал взамен спирта предоставить аптеке свой автомобиль для поездки в область за медикаментами.

Таким образом, Севастьянов уже принял вовнутрь около двух килограммов лекарства. Не «болезнь» оказалась настолько запущенной, что организм требует продолжения лечения и состояние «больного» Севастьянова внушает серьёзные опасения.

Ф. АРТЕМЕНКО,

г. Бутурлиновка, Воронежской области

ИЗ ЦИКЛА ПОРТРЕТОВ «НЕ ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Рис. В. Горяева

ПСИХОЛОГ

К любому человеку нужен свой подход,
Тут надо всё учесть: и вкусы, и детали,
Особенно теперь, когда война идёт
И люди не в пример увлечённее стали.

Любовь к почёту у людей сидит в крови,
И щучка и карась клюют на уваженье,
Иную сошку чином выше назови —
И всё! Проси, что можешь: ты выиграл сраженье!

Но это примитив. Есть люди посложней...
Как снайпер, ждёшь момент, а сам нежидко враска,
И смотришь: что другим не вырвать в десять дней,
Ты сразу, получив за дым, за папироску!

Кто любит честь и лесть, кто — шутку, анекдот,
Тот, мягко скажем, глуп, а этот — с головой;
Всё надобно учесть! Теперь живёт лишь тот,
Кто и стратегию и тактику усвоил!

Вы улыбаетесь... Но разве я не прав?
Конечно, провести не каждого возможно!
Взять вас или меня — у нас другой состав,
Нас с вами не купит угодливостью ложной.

Жаль, вы не курите! А я курю, как черт!
Завидую я тем, кто нынче некурящий...
Так что ж, зайдём ко мне? Икорка — первый сорт,
И коньячок для вас поставлю настоящий!

Ну что мы на проходе здесь стоим?
Загородили всем дорогу!
А там и посидим и переговорим...
День целый на ногах — пора присесть, ей богу!

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, М. ЗОЩЕНКО, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 49, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

Москва. Изд. № 571

Подписано к печати 3/VIII 1943 г.

Статформат 72, X 105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

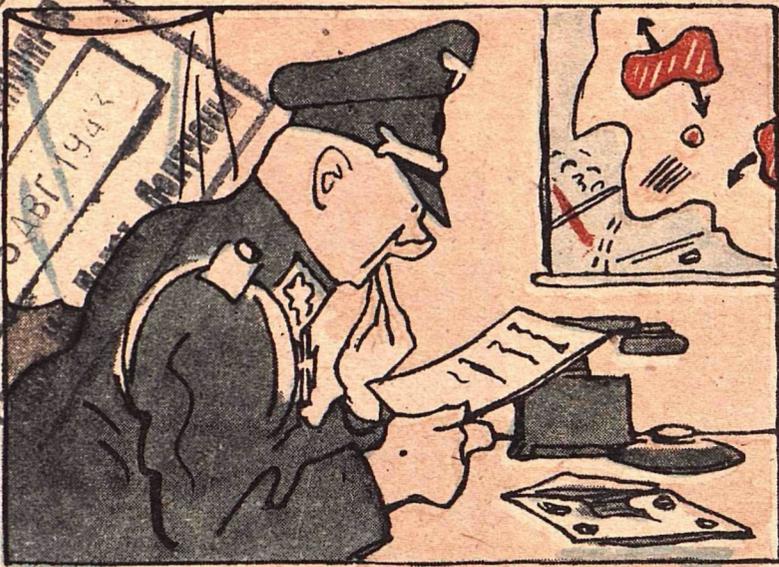
А 1809

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2056.

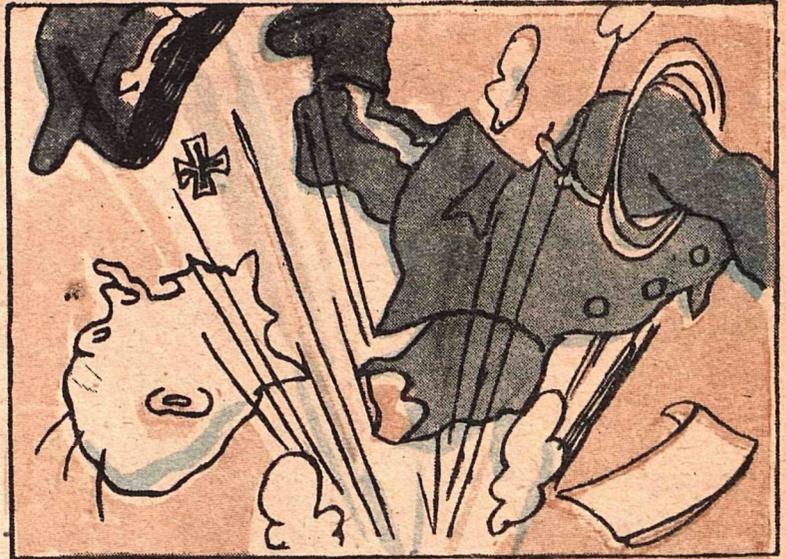
Тираж—100 000 экз.

Рис. Бродаты

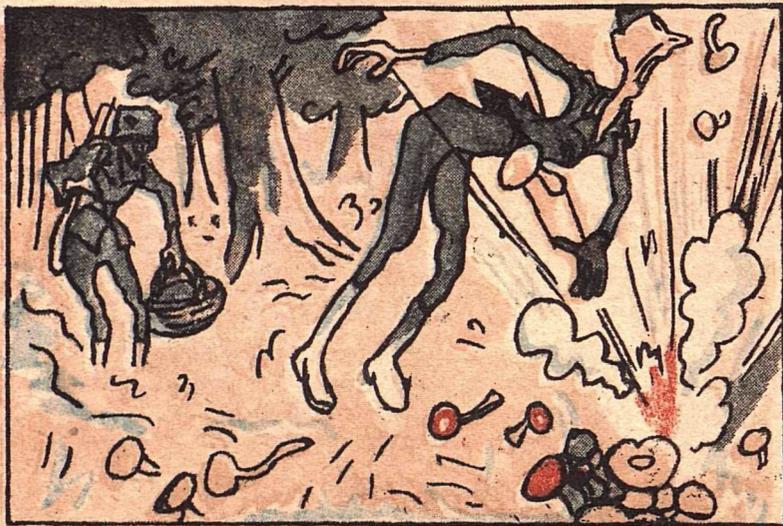

ПАРТИЗАНЫ ПОМОГЛИ

— Фронт требует резервов, тыл требует резервов!.. Не могу же я в самом деле разорваться!..

...Разорвался!

Ефрейтор Мюллер нашёл гриб.

В Минском театре взорвалась мина, подложенная партизанами. Убито много немецких солдат и офицеров.

— Когда я был заведующим сельпо, ни одной жалобы на мою работу не было. А теперь и немецкий комендант на меня жалуется, и бургомистр, и все полицейские...

Театральный разбезд в Минске.

ЖАЛОБНАЯ КНИГА

«Подъезжая к своей станции и глядя на природу в окно, у меня слетела каска вместе с головой.»
Фельдфебель Фриц Дрейер.

«Находясь под откобом и под свежим впечатлением взмутительного поступка партизан, взорвавших поезд, на котором я выражаю протест против здесь железнодорожных порядков.»
Обер-лейтенант Рудольф Васистдассер.

«В ожидании отхода поезда обзирвал физиономии коменданта станции герра Доннерветтера и остался ею весьма недоволен. Похороны коменданта состоятся во вторник.»
Партизан К.

«Прошу в жалобной книге не писать по сторонних вещей.»
За коменданта станции Шульц 7-й.

«Хоть ты и седьмой, а покойник.»